

Глава 6. Киоск

На следующее утро, едва Сяо Чэньюй открыл глаза, как обнаружил, что Ван Чи опять исчез.

Если бы не свидетельство Цзинь Сю, что последние два дня тот и вправду занят на рисовых посадках, Сяо Чэньюй бы уже подумал, что Ван Чи просто нарочно избегает его.

Он был уверен: Ван Чи — не натурал, а такой же, как он сам. Но если это так, то почему, получив его приглашение, тот отреагировал с таким отвращением?

Сяо Чэньюй ломал голову над этим, но так и не находил ответа.

Цзинь Сю уже почти семьдесят. Пару лет назад, когда Ван Чи ещё не вернулся домой, она ходила в поле работать, но теперь, когда сын с ней снова рядом, мать ничего не делает — разве что иногда готовит. После обеда, прихватив чашку чая, она обычно шла в клубную комнату, чтобы играть в карты с подругами.

Она спросила Сяо Чэньюя, не хочет ли он пойти с ней. Тот немного подумал, но отказался. Он не понимал здешний диалект, не знал никого из местных. Да и вообще, если уж куда-то идти, то только с Ван Чи, верно?

Юноша бесцельно бродил по дому, вытащил с полки случайную книгу, полистал её немного и бросил. Потом вышел во двор и стал кидать мяч Юаньбао.

Двор был небольшой: стоило бросить мяч и тот уже отскакивал от стены. Тогда Сяо Чэньюй придумал хитрость: подбрасывал мяч высоко, перекидывал через стену, а потом Юаньбао бежал и приносил его обратно.

Но в очередной раз, когда он швырнул мяч за стену, раздался тихий вскрик.

— Ай! — послышался детский голос.

Похоже, он в кого-то попал. Сяо Чэньюй вздрогнул и вскочил. У ворот снова стояли вчерашние двое мальчишек.

Юаньбао, очевидно, знал их давно — радостно подскочил, требуя, чтобы его погладили. Лян Юэ наклонился, потрепал пса по голове. А Шэн Цань стоял рядом, держась за мяч и потирая лоб.

— Мяч меня ударил, — тихо пробормотал он.

— Прости, — автоматически произнёс Сяо Чэньюй, но тут же нахмурился и холодно добавил: — А что вы здесь делаете? Ван Чи нет дома, так что уходите, уходите.

Не хватало ещё дружить с теми, кто назвал его кабаном!

Шэн Цань опустил голову, смущённо бормотал что-то себе под нос. Лян Юэ подтолкнул его в спину:

— Громче скажи.

Шэн Цань набрал в грудь воздуха и крикнул:

— Прости, брат! Мы не хотели тебя обзывать кабаном! Мы пришли извиниться!

Лян Юэ добавил:

— Прости нас.

Сяо Чэньюй фыркнул, выхватил мяч из рук мальчишки и, опустившись в лежак, великодушно произнёс:

— Ладно, прощаю. Можете идти.

Шэн Цань кивнул и уже было направился к выходу, но Лян Юэ схватил его за рукав и шёпотом сказал ему на ухо:

— Забыл, что говорил старший брат Сяо Чи?

— Чуть не забыл, — почесал голову Шэн Цань, потом повернулся к Сяо Чэньюю:

— Брат, в знак извинения давай угостим тебя мороженым!

— А? Где тут мороженое продают? — спросил Сяо Чэньюй.

— В киоске у въезда в деревню! Там много всего!

— Например?

— Есть «Сяо Будин», «Зелёное настроение», «Ван Ван Суэй Бин Бин», ещё «Ледяная фабрика», «Чао Лэ Цзы», «Трёхцветный стаканчик»...

Шэн Цань загибал пальцы, перечисляя, но не успел договорить — Сяо Чэньюй уже бросил мяч, встал и подошёл к воротам. Одним движением он захлопнул дверь.

Движение было настолько резким, что оба мальчика изумлённо подняли головы.

— Что застыли? — сказал Сяо Чэньюй. — Ведите, я же не знаю, где этот ваш киоск.

Шэн Цань и Лян Юэ, переглянувшись, поспешили вперёд, показывая дорогу. По пути они перешёптывались:

— Деньги, что дал брат Сяо Чи, ты взял? — спросил Лян Юэ.

Шэн Цань похлопал себя по карману:

— Тут они.

Дом Ван Чи стоял довольно далеко от киоска, а сейчас было самое пекло — разгар дня. Когда они наконец добрались, Сяо Чэньюй вспотел до последней нитки.

Шэн Цань, откинув занавеску у входа, громко крикнул:

— Шурин, мы пришли за мороженым!

Из-за прилавка донёсся голос:

— Берите сами!

Но, увидев незнакомое лицо Сяо Чэньюя, хозяин удивился, поднялся из-за кассы и сказал:

— Здравствуйте, вам что нужно?

Шэн Цань уже наполовину влез в морозильный ларь:

— Шурин, он с нами! Живёт у старшего брата Сяо Чи!

— Да? — Продавец оказался молодым парнем лет двадцати с небольшим, с короткой стрижкой, смуглым лицом, простым и добродушным видом. Он посмотрел на Сяо Чэньюя и спросил:

— Значит, ты знаком с Ван Чи? Кто ты ему?

— Я... наверное, друг, — ответил Сяо Чэньюй.

— Раньше вместе работали?

— Нет, — подумал Сяо Чэньюй, — выходит, Ван Чи раньше где-то работал.

— Только недавно познакомились? Странно, он о тебе не упоминал. — Продавец протянул ему плетённый веер и показал на маленькую скамеечку у стены: — Садись, отдохни, под кондиционером полегче будет.

Судя по разговору, этот парень был очень хорошо знаком с Ван Чи. Сяо Чэньюй насторожился, скользнув по молодому мужчине внимательным взглядом с головы до ног:

— Ты, похоже, хорошо его знаешь? Кто ты ему?

Хозяин, хоть и был темнокож, но при улыбке сверкнул ослепительно белыми зубами — выглядел он простодушно и открыто. Кажется, он вовсе не уловил скрытую в голосе Сяо Чэньюя настороженность.

— Конечно, знаю, — ответил он с добродушной улыбкой. — Он мой двоюродный брат.

А, значит, родственник. Можно не тревожиться. Сяо Чэньюй спокойно взял веер, подошёл к морозильнику, выбрал эскимо и, усевшись, с наслаждением принялся его есть.

Сладковато-холодный вкус приятно охлаждал и снимал жару. Сяо Чэньюй ел с полным удовлетворением.

Двое мальчишек тем временем уселись на низкие табуретки перед телевизором и с увлечением смотрели мультфильмы. Сяо Чэньюю было неинтересно, и он разговорился с хозяином. Возраст у них был примерно одинаковый, и вскоре они уже беседовали довольно непринуждённо.

Взяв вторую эскимо, Сяо Чэньюй откусил кусочек и, будто между делом, спросил:

— Слушай, Шэн Цань тебя назвал «шурином». Ты женат на его сестре?

Ван Синьлэй почесал затылок, и на его лице появилось немного смущённое выражение, совсем не вязавшееся с его простоватой внешностью:

— Э-э... пока нет, но скоро будет. В ближайшие два месяца.

— Поздравляю! А тебе сколько лет?

— Двадцать пять.

— А Ван Чи? Сколько ему?

— Двадцать девять.

Примерно так он и думал. Сяо Чэньюй снова откусил мороженое и спросил:

— А Ван Чи женат?

— Нет, — покачал головой Ван Синьлэй.

— Девушка у него есть?

— Не слышал, чтобы была.

— А парень... — Сяо Чэньюй осёкся, быстро изменив вопрос: — У него вообще есть близкие друзья?

Ван Синьлэй задумался:

— Раньше вроде не видел, чтобы он кого-то приводил домой. Ты — первый.

Значит, у него даже соперников нет. Сяо Чэньюй почувствовал лёгкое удовлетворение.

— А тётя Сю, — продолжил он, — сколько ей сейчас лет?

— Ты про маму Ван Чи? Ей в следующем году семьдесят исполнится.

— Шестьдесят девять? — переспросил Сяо Чэньюй, удивившись. — Выходит, тётя Сю родила Ван Чи, когда ей было сорок? Поздновато ведь.

Ван Синьлэй не выглядел особенно удивлённым.

— А, да, — сказал он, — потому что раньше в их семье был ещё один...

Он запнулся, почесал затылок и смущённо добавил:

— Знаешь, лучше сам спроси у брата Чи. Всё-таки это их семейное дело, мне как-то неловко рассказывать.

Любопытство Сяо Чэньюя застряло где-то между горлом и грудью, он чувствовал досаду, словно ему пообещали секрет, но не договорили. Юноша уже собирался осторожно подвести разговор обратно к теме, как вдруг в киоск вошёл старик — в выцветшей от стирок одежде, с подштанниками, испачканными в грязи.

— Дед Лян, что сегодня возьмёте? — громко позвал Ван Синьлэй и бросил быстрый взгляд в сторону телевизора.

Лян Юэ, заметив этот взгляд, сразу вскочил, хотел было спрятаться в задней комнате, но не успел — застыл у стены, напряжённый, как струна.

— Пачку “Хунта-шань”, — хрипло сказал старик. Голос у него был прокуренный, сразу видно — заядлый курильщик.

Ван Синьлэй снял с полки пачку сигарет, взял десять юаней, отсчитал сдачу — один юань с половиной — и протянул.

Лян-эр-ё, так его здесь звали, сунул монетки в карман, разорвал упаковку, вытащил сигарету и дал Ван Синьлэю прикурить. Сделал глубокую затяжку, кашлянул и резко обратился к мальчику у стены:

— Ты чего здесь прохлаждаешься? Почему не в поле?

— Солнце сейчас слишком жаркое, — тихо ответил Лян Юэ. — В три тридцать пойду.

Старик снова затянулся, выдохнул дым и, уже на выходе, строго сказал:

— Сегодня доделаешь северный участок. Даже не думай халтурить.

— Есть, — спокойно ответил Лян Юэ, опустив глаза. По его выражению лица ничего нельзя было прочесть.

Старик ушёл. Мальчишки сразу как-то приуныли.

Лян Юэ молчал, не двигаясь, а Шэн Цань несколько раз бросал на него тревожные взгляды. Наконец, потянул его за рукав:

— Лян Юэ, папа купил мне новую игрушку. Пойдём ко мне поиграем? У меня дома дед тебя не найдёт.

Лян Юэ не ответил, но и не отказал.

Шэн Цань понял — это согласие. Он достал из кармана десятку, протянул её почти-шурину:

— За мороженое, — сказал он и, схватив друга за руку, выскочил из киоска.

Когда Сяо Чэньюй потянулся за третьим мороженым и обернулся, их уже и след простыл.

Он замер с эскимо в руке, немного растерянный:

— Эй... Шэн Цань за меня заплатил, да?

Ван Синьлэй показал десятку:

— Заплатил.

— Вот и хорошо, — с облегчением выдохнул Сяо Чэньюй. Без денег в чужой деревне это было бы неловко.

Когда мальчишки ушли, Ван Синьлэй включил фильм. Они вместе устроились смотреть кино, лениво поедая мороженое одно за другим.

Фильм закончился к половине пятого. На улице стало прохладнее. Ван Синьлэй поставил следующий фильм, чтобы Сяо Чэньюй не скучал, а сам вышел во двор, завёл свой фургон и подогнал его к двери, чтобы разгрузить товар с задних сидений.

Даже при работающем кондиционере в помещении было жарко — таскать коробки туда-сюда утомительно. На третьем заходе, занося очередную партию, Ван Синьлэй поставил ящик на

пол и снял рубашку.

Взгляд Сяо Чэньюя тут же оторвался от экрана телевизора и невольно остановился на нём.

У Ван Синьлэя тоже была отличная фигура — широкие плечи, длинные руки, плотные смуглые мышцы перекатывались под кожей. Сяо Чэньюй про себя подумал: неужели в этой деревне все, кто носят фамилию Ван, такие крепкие и поджарые?

Что, семейная черта, что ли?

Когда закончился и второй фильм, Сяо Чэньюй понял, что засиделся. Пора бы возвращаться.

Он уже поднялся и собирался уйти, но Ван Синьлэй его остановил:

— Эй, ты ещё не заплатил.

— Как не заплатил? Ты же сказал, Шэн Цань уже расплатился за меня.

— За то, что вы ели вместе, да. Но потом-то ты сам ещё немало съел, — Ван Синьлэй кивнул на мусорное ведро, где лежало пять-шесть новых деревянных палочек. — Всего выходит четырнадцать юаней.

Сяо Чэньюй остолбенел.

Денег при себе у него не было совсем. Он пробормотал:

— Я в следующий раз принесу.

— Не пойдёт, — Ван Синьлэй ткнул пальцем в табличку на стене: — У нас мелкая торговля, в долг не отпускаем.

— Но у меня и правда нет денег, — растерянно сказал Сяо Чэньюй.

Такой прямоты Ван Синьлэй явно не ожидал. Почесал коротко стриженную голову и вздохнул:

— Тогда придётся позвонить брату Чи, пусть он за тебя заплатит.

— Он же тебе родной брат! Ты и с него берёшь деньги?

— Родные — родными, а счёт должен быть точным, — спокойно ответил тот.

Молодой господин Сяо уже дважды на днях попадал в неловкие ситуации из-за денег — один раз в баре, теперь вот здесь...

Он и подумать не мог, что когда-нибудь окажется в положении, где придётся беспокоиться о такой мелочи, как расчёт за мороженое. Что его фактически «задержат» в деревенском киоске, пока не придёт кто-то расплатиться за него. Чем больше он об этом думал, тем сильнее внутри закипало раздражение.

Наконец, стиснув зубы, он подошёл к морозильнику, достал самую дорогую пачку мороженого и с вызовом сорвал обёртку.

Ван Синьлэй, входя с тремя коробками в руках, удивлённо спросил:

— Ты же говорил, что денег нет. Ещё ешь?

— Всё равно Ван Чи придёт и заплатит за меня, — бросил Сяо Чэньюй с вызовом, словно назло самому себе.

Через несколько минут занавеска на входе поднялась — Ван Чи вернулся. Он только что припарковал свой трёхколёсник.

Сяо Чэньюй сидел на низком табурете и сердито грыз мороженое, а у его ног уже лежала целая кучка палочек и фантиков.

Ван Чи хотел что-то сказать, но в этот момент Ван Синьлэй вошёл, держа стопку коробок. Он с грохотом опустил их на пол, несколько раз нажал на калькулятор и обратился к брату:

— Брат, с тебя двадцать шесть юаней. Наличкой или картой?

Но Ван Чи не шелохнулся. Он просто стоял и смотрел на Сяо Чэньюя — сверху вниз, потом снизу вверх, пристально и молча.

— Брат Чи, ты чего на меня так смотришь? — не выдержал Ван Синьлэй, почувствовав, как от этого взгляда у него мурашки по спине побежали.

Ван Чи выглядел самым настоящим старшим братом — с тем тоном, в котором не сомневаются.

— Надень рубашку, — приказал он.

Ван Синьлэй опустил взгляд, посмотрел на себя, а затем подтянул шорты повыше:

— Эй, я же в шортах, всё нормально!

— Я сказал! Рубашку. Надень.

— Но жарко ведь... — недоумённо протянул тот. — Ну чего такого? Все ж тут без рубашек ходят. Ты меня не первый раз голым по пояс видишь...

— Хватит болтать, — жёстко перебил Ван Чи. — Не видишь, тут клиент? При нём стоять голым — это прилично, по-твоему?

Все же мужчины, какая разница — прилично или нет? Главное, чтобы было не жарко... Почему вдруг Ван Чи стал таким щепетильным?

Не понимая, что происходит, Ван Синьлэй послушно натянул рубашку обратно.

<http://bllate.org/book/12345/1101752>